

К ВОПРОСУ О СЕВЕРНО-ПРИБАЛТИЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЮЗЕ

Мысль о существовании на северо-западе европейской территории, омываемой Балтийским морем, языкового союза, в состав которого входят прибалтийско-финские, северно-славянские и языки индоевропейских балтов, уже высказывалась в работах М.М.Гухман (Гухман 1981: 127), В.Таули (Таули 1972: 427), В.Н.Топорова, О.Н.Трубачёва (Топоров, Трубачёв 1967: 250), Р.Якобсона (Якобсон 1962), Э.Джеффри (Jeffrey 1963). Гипотеза о таком союзе, который можно назвать северно-прибалтийским (далее – СПЯС), на мой взгляд, плодотворна и заслуживает развития.

Не повторяя положений, высказанных перечисленными авторами, и не ставя задачи дать исчерпывающий перечень признаков СПЯС (для чего потребовалась бы по меньшей мере обширная статья), приведу некоторые факты и суждения, служащие дополнительными доводами в пользу гипотезы о существовании СПЯС.

В акцентологическом отношении заслуживает внимания прежде всего наличие в чешском, словацком и серболужицком языках фиксированного на первом слоге словесного ударения. Уместно в этой связи напомнить, что главным типом словесного ударения в финно-угорских языках является фиксированная инициальная акцентуация. Такое же ударение свойственно и латышскому языку, который выработал его, как можно думать, под решающим воздействием ливского и эстонского субстрата (Грабис 1966: с.467). Оттяжка ударения в говорах литовского языка также наиболее реалистично может быть объяснена финским, и особенно ливским влиянием (Гринавецкис 1966: 142). К возможной только в северно-русских говорах оттяжке ударения типа *пó саду, пóд осень, нá сене, сóшить, пóдрали, нáзвал* (Русская диалектология 1972: 90) вполне приложимо такое же объяснение. Фиксированная в польском языке акцентуация на предпоследнем слоге также, по-видимому, установилась не без финно-угорского воздействия.

Лексика прибалтийско-финских, балтийских и северно-славянских языков несёт на себе печать общности, также позволяющей говорить о языковом союзе. Установлено, в частности, что в финском, эстонском, латышском и литовском языках имеется общий

слой восточно-славянских лексических заимствований. К ним относятся слова, которые представлены следующими лексическими группами: 1) религиозная терминология, например, лтш. *krusts* ‘крест’, лит. *krikštas* ‘крещение’, фин. *risti* ‘крест’, эст. *rist* ‘тж’; 2) торговая терминология, например, лтш. *puds* ‘пуд’, лит. *pundas, pudas* ‘тж’, фин. *puuta* ‘тж’, эст. *puud* ‘тж’; 3) бытовая лексика, например, лтш. *zābaks* ‘сапог’, лит. *zopagas, sapagas* ‘тж’, фин. *saapas, saabas* ‘тж’; 4) абстрактная лексика, например, лтш. *vests* ‘весть’, лит. *viestis* ‘тж’, фин. *viesti* ‘тж’ (Буш 1972; Буш 1980).

На морфологическом уровне финно-балтославянская интерференция особенно отчётливо проявляется в утрате категории среднего рода литовским и латышским языками.

Высказывалось мнение, согласно которому “причиной исчезновения среднего рода в восточнбалтийских языках, по всей вероятности, является то, что сокращение в определённых случаях конечных долгих гласных вело к совпадению формы именительного-винительного падежа во множественном числе с формой именительного-винительного падежа в единственном числе, т.е. к нейтрализации противопоставления чисел в указанном падеже” (Казлаускас 1967: 14).

Согласиться с этим трудно. Прежде всего, фонетические изменения способны вызвать перестройку грамматических категорий только в том случае, если у последних есть достаточно сильные функционально-семантические конкуренты, при посредстве которых и совершается соответствующее грамматическое преобразование. Согласно же цитированному утверждению, звуковые процессы вызвали падение категории среднего рода непосредственным образом, что в свете указанных соображений неприемлемо. Кроме того, остаётся неясным, почему нейтрализация форм грамматического числа должна непременно вызвать падение форм именно грамматического рода. Естественнее предположить, что такая нейтрализация повлекла бы за собой скорее некоторые процессы в кругу форм того же грамматического числа.

Более вероятной представляется возможность утраты указанных литовских и латышских родовых форм под влиянием прибалтийско-финских языков, не имеющих, как известно, категории грамматического рода. Поскольку эта категория в индоевропейских языках несёт полезную функциональную нагрузку, обеспечивая морфологически маркированную связь согласования, в латышском и литовском языках она под финским воздействием утратилась не полностью, а частично, в том её звене, которое является наиболее слабым и представлено

формами среднего рода. В.В.Виноградов, рассматривая подкатеорию среднего рода в русском языке, называл её “отвлечённой формой обезличенной предметности”, подчёркивал её неустойчивость, характеризовал как “упаковочное средство” (Виноградов 1972: 75–77). Такая квалификация среднего рода может быть распространена и на материал восточно-балтийских языков, именная система которых весьма схожа со славянской. В славянских языках категория грамматического рода оказалась более устойчивой, но и здесь она в формах множественного числа потеряла свою былую выразительность.

Как и любой языковой союз, СПЯС не представляет собой примитивного механизма, части которого подчинены строго заданному и однообразному движению. Наряду с чертами, общими для финских, балтийских и северно-славянских языков, компоненты СПЯС имеют те или иные менее масштабные свойства, которые либо сосуществуют с признаками СПЯС, либо выходят за его пределы, позволяя думать о том, что компоненты СПЯС в ряде случаев могут рассматриваться как члены других, может быть, менее выраженных языковых объединений. Поскольку обсуждение этих признаков выходит далеко за рамки наших наблюдений, коснусь лишь некоторых из них.

К относительно локальному явлению, сосуществующему с другими, более масштабными признаками СПЯС, относится, например, наличие в прибалтийско-финских и литовском языках глагольной формы третьего лица, противопоставленной другим личным формам своим нулевым аффиксом. Есть основания считать, что в литовском языке указанная глагольная единица, продолжая весьма архаичную форму, лишённую материальных показателей лица и числа, грамматикализовалась под прямым воздействием прибалтийско-финских языков (Пизани 1966: 7). В финском и эстонском языках находят параллели латышский дебитив, литовский пермиссив и оптатив, представляющие собой отклонение от индоевропейского глагольного словообразования (Ларин 1963: 25) и, добавлю, от северно-славянской глагольной системы.

Явно выходит за пределы СПЯС такое свойство латышского (Kalnina 1980) и серболужицкого языков, как наличие в них значительного слоя немецких лексических заимствований, что одновременно представляет собой признак вхождения этих языков в состав, быть может, другого, менее выраженного и более обширного языкового объединения, к компонентам которого относятся, вероятно, и сравнительно недавно выделенные так называемые швейцарский

(Романо-германские языки ... 1977) и банатский (Стойков 1968) языковые союзы.

Если существование таких сверхсоюзов будет доказано, открывается возможность признать в качестве компонента СПЯС коми-зырянский язык, северная локализация которого и длительные контакты с русским языком незатруднённо вписываются в модель СПЯС. Для более уверенного суждения об этом, впрочем, необходимы дополнительные исследования.

Сокращения

ВЯ – Вопросы языкознания; лит. – литовский язык; лтш. – латышский язык; фин. – финский язык; эст. – эстонский язык.

Буш 1980 - Буш О.В. Заимствованная лексика общего происхождения в балтийских и прибалтийско-финских языках // IV Всесоюзная конференция балтистов. 23–25 сентября 1980 г.: Тез. докл. Рига. 1980.

Буш 1972 - Буш О.В. Параллельные славянские заимствования в финском и латышском языках // Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР. Л., 1972.

Виноградов 1972 - Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1972. (2-е. изд.).

Грабис 1966 - Грабис Р. Латышский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т.1.

Гринавецкис 1964 - Гринавецкис В. [Рецензия на книгу]: *Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologia*. Vilnius, 1966 // ВЯ. 1964. № 5.

Гухман 1981 - Гухман М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.

Казлаускас 1967 - Казлаускас И. Историческая грамматика литовского языка: Автореф. дис. ... докт.филол.наук. Вильнюс, 1967.

Ларин 1963 - Ларин Б.А. Об одной славяно-балто-финской изоглоссе. Л., 1963.

Пизани 1966 - Пизани В. К индоевропейской проблеме // ВЯ. 1966. № 4.

Романо-германские языки ... 1977 - Романо-германские языки и диалекты единого ареала: Сб. науч. трудов. Л., 1977.

Русская диалектология 1972 - Русская диалектология. М., 1972.

Стойков 1968 - Стойков Ст. Банатският езиков съюз // Славянска филология. София. 1968. Т.10.

Таули 1972 - Таули В. О внешних контактах уральских языков // Новое в лингвистике. Вып. 6: Языковые контакты. М., 1972.

Топоров, Трубочёв 1967 - Топоров В.Н., Трубочёв О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1967.

Якобсон 1962 - Якобсон Р. К характеристике евразийского языкового союза // *Jakobson R. Selected writings. I. Phonological Studies.* s'Gravenhage, 1962.

Jeffrey 1963 - Jeffrey E. Possible Comparisons of Balkan and Northwest European Linguistic Community, with Reference to System-Reduction Method of Quantification // Материали за V Международен конгрес на славистите. Доклади, съобщения и статии по езиковедение. София, 1963. Т. 3.

Kalnina 1980 - Kalnina K. Zur Frage der Entlenungen aus dem Mittelniederdeutschen ins Lettische // IV Всесоюзная конференция балтистов. 23–25 сентября 1980 г.: Тезисы докладов. Рига, 1980.